

Научная статья

УДК 342.52

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).23-30

EDN UAHQJE

Вопросы оценки конституционности переходного нормативного регулирования (по материалам практики Конституционного Суда Российской Федерации)

Алексей Александрович Петров

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
petrov-a-irk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется практика Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам проверки конституционности переходных правовых норм. Эти вопросы не становились ранее предметом специального исследования. Между тем установление переходного регулирования является широко используемым приемом в нормотворческой деятельности. Его значение состоит в обеспечении стабильности положения участников соответствующих правоотношений в условиях изменения правового регулирования, когда объективно повышаются риски, связанные с правовой неопределенностью. Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает требование правовой определенности в качестве одного из проявлений принципа верховенства права, что является основой для оценки конституционности как нормативного регулирования вообще, так и переходных нормативных положений в частности. При этом анализ практики судебного конституционного нормоконтроля позволяет выявить правовые позиции Конституционного Суда, которые формулируют специфические критерии оценки конституционности переходного регулирования. В частности, подчеркивается принципиальное значение – в том числе в контексте реформирования Конституции Российской Федерации в 2020 году – правовой позиции Конституционного Суда, согласно которой при изменении правового регулирования должен соблюдаться принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Данный принцип предполагает, среди прочего, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм. Подчеркивается необходимость продолжения исследования проблематики критериев разрешения Конституционным Судом вопросов о соответствии Конституции переходных правовых норм. Задача выработки соответствующей методологии представляется весьма актуальной с учетом широкого распространения практики установления переходных норм в рамках интенсивного обновления правового регулирования в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный нормоконтроль, переходное нормативное регулирование, правовая определенность, правовое качество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Петров А.А. Вопросы оценки конституционности переходного нормативного регулирования (по материалам практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 1. С. 23–30. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).23-30. EDN UAHQJE

Original article

Issues of assessing the constitutionality of transitional normative regulation (based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation)

Aleksei A. Petrov

Baikal State University, Irkutsk, Russia

petrov-a-irk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

ABSTRACT

The article analyzes the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issues of checking the constitutionality of transitional legal norms. These issues have not previously been the subject of a special study. Meanwhile, the establishment of transitional regulation is a widely used technique in rule-making activities.

© Петров А.А., 2023

Its significance lies in ensuring the stability of the position of participants in the relevant legal relations in the context of changes in legal regulation, when the risks associated with legal uncertainty objectively increase. The Constitutional Court considers the requirement of legal certainty as one of the manifestations of the principle of the rule of law, which is the basis for assessing the constitutionality of both normative regulation in general and transitional normative provisions in particular. At the same time, an analysis of the practice of judicial constitutional normative control makes it possible to identify the legal opinions of the Constitutional Court, which formulate specific criteria for assessing the constitutionality of transitional regulation. In particular, the fundamental importance is emphasized – including in the context of the reform of the Constitution of the Russian Federation in 2020 – of the legal opinion of the Constitutional Court, according to which, when changing the legal regulation, the principle of maintaining citizens' trust in the law and the actions of the state must be observed, which implies, among other things, the inadmissibility making arbitrary changes to the existing system of norms. The need to continue the study of the issue of the criteria for resolving by the Constitutional Court of issues of compliance with the Constitution of transitional legal norms is emphasized. The task of developing an appropriate methodology seems to be very relevant given the widespread practice of establishing transitional norms as part of the intensive updating of legal regulation in the country.

KEYWORDS

Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional normative control, transitional regulation, legal certainty, legal quality

FOR CITATION

Petrov A.A. Issues of assessing the constitutionality of transitional normative regulation (based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(1):23–30. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).23-30. EDN UAHQJE

Введение

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) наделен широкими полномочиями по обеспечению защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации¹ на всей территории страны (статья 125 Конституции, статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»² (далее – Закон о Конституционном Суде). Вместе с тем его основное назначение состоит в рассмотрении и разрешении вопросов о соответствии принимаемых законов и иных нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации. Это в полной мере соответствует сложившимся представлениям о задачах судебного конституционного контроля; как указывал еще Г. Кельзен, основоположник европейской модели судебного конституционного контроля, «необходимо дать компетенцию отмены неконституционных актов отдельно стоящему от него независимому органу и, как следствие, независимому от любой другой государственной власти – конституционному суду» [1, с. 6]. Практика также подтверждает аб-

солютное доминирование нормоконтроля в деятельности Конституционного Суда, что иллюстрируется статистическими данными³.

Однако дела, рассматриваемые Конституционным Судом в порядке нормоконтроля, весьма разнообразны, что связано в значительной степени с разнообразием самих правовых норм как основных объектов судебного конституционного контроля⁴. В частности, широкое распространение в правотворчестве получила практика установления переходного нормативного регулирования.

Переходные нормы как специфический объект судебного конституционного контроля

Под переходными положениями понимаются нормы временного характера, применяемые для оптимального начала действия закона [2, с. 161]. Исходя из того, что «процесс смены законодательства не может быть стихийным» [3], такое регулирование решает множество задач, среди которых – определение оптимальных сроков введения нормативных актов или их отдель-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 04 июля.

² О Конституционном Суде Российской Федерации : Федер. конституц. закон от 21 июня 1994 г. № 1-ФКЗ : (ред. от 01 июля 2021 г. № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5045.

³ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Pages/Decision.aspx> (дата обращения: 27.01.2023).

⁴ Следует подчеркнуть, что Конституция, говоря о проверке Конституционным Судом законов и иных нормативных правовых актов, имеет в виду возможность оспаривания не столько конституционности таких актов в целом (такие ситуации как раз крайне редки), сколько их отдельных положений. Это находит прямое подтверждение в норме ч. 6 ст. 125 Конституции, согласно которой акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу.

ных положений в действие; защита прав и интересов субъектов правоотношений, возникших до принятия нового акта; организационное обеспечение применения нового правового акта; разрешение вопросов статуса отдельных объектов правоотношений в рамках перехода к новому регулированию; и т. д. В целом переходные нормы являются важным средством обеспечения преемственности в праве, которая, по мнению А.В. Конова, «в целом отражает органичную диалектическую связь прошлого, настоящего и будущего правовой системы» [4, с. 255].

Переходное регулирование – с учетом специфики задач – является результатом действия в целом тех же факторов, которые определяют пределы правового регулирования в целом (к таковым в литературе относят, в частности, «свойства-критерии общественных отношений, имеющих правовую природу, включая возможность осуществления социального контроля, направленность общественных отношений на удовлетворение типичных, социально значимых, конфликтных интересов и эквивалентный характер», а также «факторы естественно-природного и социального характера, традиционно именуемые правообразующими, под воздействием которых формируются указанные отношения» [5, с. 372].

Во многих случаях вопросы, которые разрешаются посредством переходного нормативного регулирования, приобретают конституционное значение. Это, среди прочего, обусловлено некоторым повышением правовой неопределенности, объективно сопровождающим процесс обновления правовой базы общественных отношений (в этой связи, в частности, К.А. Преподобный обоснованно замечает, что к числу основных дефектов техники изменения юридических актов относится неопределенность юридических следствий вносимых изменений [6, с. 13]).

Кроме того, в процессе реализации переходных правовых норм, соответственно, возрастает значимость реализации правом его коммуникативной функции, которая, как отмечают исследователи, актуализируется в условиях активного развития нормативно-правового регулирования, расширения его сферы и объема [7, с. 235]. Таким образом, имеются достаточные предпосылки для постановки вопросов о проверке конституционности переходных норм.

Обращение к материалам конституционно-судебной практики показывает, что такие дела возникают сравнительно нечасто, что может быть объяснено направленностью переходных правовых предписаний на решение конкретных

задач правотворческого и правоприменительного плана, связанных с обновлением правового регулирования. Поэтому, хотя переходные положения крайне редко признаются утратившими силу, их реальная правовая актуальность ограничена во времени. Соответственно, ограничен и период, когда может возникать практическая неопределенность в вопросе о конституционности подобных норм (см. часть вторую статьи 36 Закона о Конституционном Суде об основаниях к рассмотрению дела в Конституционном Суде).

Практика Конституционного Суда по делам о проверке конституционности переходного нормативного регулирования

Тем не менее Конституционным Судом накоплена определенная практика рассмотрения дел о проверке конституционности переходного правового регулирования. Исследование содержания этой практики представляет теоретический и практический интерес, особенно с учетом того, что правовое качество переходного регулирования, как уже подчеркивалось нами, имеет существенное значение для обеспечения определенности правового регулирования в целом. Здесь важно отметить, что само требование правовой определенности «появилось как выявленный Конституционным Судом один из аспектов принципа верховенства права» [8, с. 16].

1. В ряде дел Конституционный Суд обращался к вопросу о предназначении переходных норм в системе правового регулирования. Так, в его определении от 17 июля 2014 года № 1567-О⁵ в связи с анализом статьи 2 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»⁶ отмечено, что конституционный законодатель, реализуя предоставленные ему полномочия по рациональной организации судебной системы путем внесения поправок в главу 7 «Судебная власть» Конституции, в силу предписаний главы 9 и раздела второго «Заключительные и переходные

⁵ По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда от 17 июля 2014 г. № 1567-О // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. II). Ст. 4397.

⁶ О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

положения» Конституции обязан обеспечить правовую определенность и стабильность правового положения субъектов права, чьи права и интересы затрагиваются в связи с изменением конституционного регулирования (абзац четвертый пункта 3.1 мотивировочной части). Положения главы 9 и раздела второго Конституции не закрепляют непосредственно эти требования, однако Конституционный Суд, по-видимому, исходит из того, что они имплицитно присущи процессу принятия конституционных поправок. При этом поскольку Конституция обладает высшей юридической силой (часть 1 статьи 15), постольку приведенная правовая позиция принципиально применима к вопросам внесения изменений в нормативное регулирование на любом уровне.

Необходимость в переходных нормах, как правило, возникает в случае внесения весьма существенных, комплексных изменений в правовое регулирование, при которых формируется в целом новый правовой режим соответствующих общественных отношений. На это Конституционный Суд обратил внимание, в частности, в деле о проверке конституционности ряда норм, регулирующих вопросы имущественных отношений в Республике Крым после ее вхождения в состав Российской Федерации. В постановлении Конституционного Суда от 7 ноября 2017 года № 26-П⁷ подчеркивается, что в переходный период, начиная со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым, должна быть обеспечена разумная преемственность между правом собственности Украины и правом собственности Республики Крым (абзац третий пункта 4 мотивировочной части). Представляется, однако, что при столь кардинальных изменениях говорить о каком бы то ни было «правопреемстве», в том числе разумном, весьма затруднительно, если вообще возможно. В свете этого более точным видится приведенное выше суждение Конституционного Суда о том, что переходные нормы призваны обеспечить стабильность именно правового положения субъектов права. Это тем более верно, что в силу статьи 18 Конституции смысл, содержание и применение законов, деятельность (в том числе правотворческая) законодательной

и исполнительной власти, местного самоуправления определяются правами и свободами человека и гражданина; соответственно, различные правовые конструкции (институты, режимы и пр.) имеют конституционную ценность не сами по себе, а только в качестве средств достижения целей правового регулирования.

2. Четкое понимание конституционных целей переходного правового регулирования детерминирует требования, которым такое регулирование должно соответствовать. Правовые позиции Конституционного Суда по этому вопросу, по сути, воплощают в себе критерии оценки конституционности такого регулирования.

Принципиальное значение в этом контексте приобретает постановление Конституционного Суда от 24 мая 2001 года № 8-П⁸. Предметом рассмотрения в этом деле были законоположения о стаже работы (времени проживания) в указанных районах и местностях, дающем право на получение жилищных субсидий гражданам, выехавшим оттуда не ранее 1 января 1992 года и поставленным по новому месту жительства на учет для улучшения жилищных условий. Конституционный Суд признал эти положения не соответствующими Конституции в той части, в какой предусмотренное ими требование о наличии минимального 15-летнего стажа работы (времени проживания) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, дающего право на получение субсидий, распространяется на граждан, которые в соответствии с ранее действовавшим законодательством приобрели такое право при наличии стажа работы в указанных районах и местностях не менее 10 лет. Признавая право законодателя вносить изменения в ранее установленные правила предоставления жилищных субсидий, в том числе путем увеличения срока работы (проживания) в указанных районах и местностях, дающего право на получение субсидий, Конституционный Суд сформулировал требования, которые должны при этом соблюдаться: «По смыслу [положений части 1 статьи 1, статьи 2, части 2 статьи 6, статьи 18, частей 2 и 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации] изменение законодателем ранее установленных условий предоставления жилищных субсидий, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое

⁷ По делу о проверке конституционности положений абзаца первой части 2 статьи 2, абзаца третьей части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» в связи с жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Дайвинг-Центр «Соляриус», «Промхолдинг» и «Формат-ИТ»: Постановление Конституционного Суда от 07 нояб. 2017 г. № 26-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 47. Ст. 7049.

⁸ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой: Постановление Конституционного Суда от 24 мая 2001 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

положение лиц, нуждающихся в этих субсидиях и рассчитывающих на их получение, должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям, в том числе при решении вопроса о выборе места жительства и работы» (пункт 4 мотивировочной части постановления от 24 мая 2001 года № 8-П).

В дальнейшем Конституционный Суд неоднократно ссылался на приведенную правовую позицию, разрешая дела о проверке конституционности норм самой разной отраслевой принадлежности (см., например, абзац пятый пункта 4.1 постановления от 25 июня 2015 года № 17-П⁹, абзац первый пункта 3.2 постановления от 15 февраля 2016 года № 3-П¹⁰, абзац первый пункта 3.2 постановления от 28 ноября 2017 года № 34-П¹¹, и т. д.).

В литературе также высказывалось суждение, что приведенная правовая позиция Конституционного Суда может быть распространена не только на регулирование по вопросам социальных льгот, но и на «другие предоставленные государством возможности» (например, в части ведения предпринимательской деятельности в определенных сферах [9, с. 96]).

Таким образом, значение идей, изложенных в постановлении Конституционного Суда от

24 мая 2001 года № 8-П, выходит далеко за рамки вопросов, в связи с которыми они были сформулированы изначально. Впоследствии это было признано и законодателем: статья 75.1 Конституции, введенная Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹², предусматривает необходимость создания в Российской Федерации условий для взаимного доверия государства и общества.

3. Подход к определению содержания переходного регулирования, изложенный Конституционным Судом в постановлении от 24 мая 2001 года № 8-П, носит общий характер и сформулирован с использованием оценочных понятий («разумная стабильность правового регулирования», «некий разумный переходный период», «адаптация к вносимым изменениям» и т. п.). Как отмечено в упомянутом постановлении, законодатель вправе вносить изменения в действующее нормативное регулирование. Однако если законодатель может (и даже обязан) при этом руководствоваться соображениями целесообразности, то Конституционный Суд решает исключительно вопросы права, а потому ограничен только правовыми аргументами в обосновании своей оценки соответствующих законодательных решений (часть третья статьи 3 Закона о Конституционном Суде).

Вследствие этого применение критериев, сформулированных Конституционным Судом в вышеназванном постановлении, к оценке тех или иных норм при разрешении конкретных дел может быть существенно затруднено. Например, рассматривая запрос группы депутатов Государственной Думы относительно конституционности пенсионной реформы 2018 года, Конституционный Суд указал, что проверка возможности установить более длительный переходный период или отсрочить начало применения оспариваемого регулирования была бы неизбежно связана с оценкой социально-экономической и демографической ситуации в стране и соответствующей государственной политики, а потому выходит за пределы компетенции Конституционного Суда (абзац восьмой пункта 5 мотивировочной части

⁹ По делу о проверке конституционности части 3 статьи 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда от 25 июня 2015 г. № 17-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 4101.

¹⁰ По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого: Постановление Конституционного Суда от 15 февр. 2016 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 8. Ст. 1167.

¹¹ По делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта»: Постановление Конституционного Суда от 28 нояб. 2017 г. № 34-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 49. Ст. 7532.

¹² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

определения от 2 апреля 2019 года № 854-О¹³). При этом в ряде других дел Конституционный Суд прямо признавал переходные нормы недостаточными с точки зрения необходимости создания условий для адаптации к изменившимся нормативным условиям (см., например, пункт 3.2 мотивировочной части постановления от 15 февраля 2016 года № 3-П¹⁴, абзац четвертый пункта 2.1 мотивировочной части определения от 16 декабря 2008 года № 1054-О-П¹⁵). Характерно, что в этих случаях масштабы применения переходных норм (с точки зрения количества субъектов правоотношений, которых эти нормы затрагивали, а также их социальной значимости) были существенно ниже, чем в случае с пенсионной реформой, что не помешало Конституционному Суду дать им оценку.

4. Переходные правовые нормы, как уже говорилось, по самой своей природе являются временными – это предопределяется ограниченностью периода, в течение которого обеспечивается внедрение нового регулирования. В ряде дел Конституционный Суд придавал этому обстоятельству значение критерия оценки конституционности оспариваемых предписаний.

Так, рассматривая вопрос о конституционности норм, допускавших вынесение смертных приговоров судом без участия присяжных заседателей, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что данные нормы в течение длительного времени допускали положение, при котором это право, предусмотренное статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, могло быть реализовано лишь на части территории страны. В результате временная норма пункта 1 Постановления Верховного Совета Российской Фе-

дерации от 16 июля 1993 года, рассматриваемая во взаимосвязи с его пунктом 2, фактически становится постоянно действующим ограничением и в таком качестве противоречит статьям 19, 20 (часть 2) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации (абзац третий пункта 6 мотивировочной части постановления Конституционного Суда от 2 февраля 1999 года № 3-П¹⁶).

Аналогичную позицию Конституционный Суд занял при проверке конституционности нормы, на основании которой до принятия специального федерального закона при расчете налогооблагаемой прибыли следовало руководствоваться действующим порядком определения состава затрат по производству и реализации продукции (работ, услуг), включаемых в себестоимость, и формирования финансовых результатов, учитываемых при налогообложении прибыли. Этот «действующий порядок» был определен подзаконным нормативным правовым актом (постановлением Правительства Российской Федерации), что представляло собой отступление от конституционного требования об установлении элементов налоговых обязательств в форме закона. Конституционный Суд пришел к выводу, что законодатель, создавая данную переходную норму, не определил срок, в течение которого ему надлежало выполнить свою конституционную обязанность по принятию необходимого федерального закона. Тем самым он на неограниченное время допустил отступление от указанного конституционного требования, хотя признание высшей юридической силы Конституции Российской Федерации (статья 15 Конституции) исключает право законодателя принимать решения, парализующие конституционную норму (абзацы шестой и седьмой пункта 2 мотивировочной части постановления от 28 октября 1999 года № 14-П¹⁷).

¹³ По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»: Определение Конституционного Суда от 02 апр. 2019 г. № 854-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 4.

¹⁴ По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Поточко: Постановление Конституционного Суда от 15 февр. 2016 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 8. Ст. 1167.

¹⁵ По жалобам граждан Борисовой Татьяны Рафаиловны, Василенко Сергея Дмитриевича и других на нарушение их конституционных прав положениями части второй статьи 376, части второй статьи 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статей 1, 3 и 4 Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда от 16 дек. 2008 г. № 1054-О-П // Собрание законодательства РФ. 2009. № 13. Ст. 1574.

¹⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан»: Постановление Конституционного Суда от 02 февр. 1999 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

¹⁷ По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк»: Постановление Конституционного Суда от 28 окт. 1999 г. № 14-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 45. Ст. 5478.

Заключение

Как показывает практика, при проверке конституционности переходных правовых норм Конституционный Суд руководствуется в целом теми же общими соображениями и подходами, которые лежат в основе всей его деятельности в области конституционного нормоконтроля. Однако специфика содержания переходного регулирования, а также особый характер задач, которые решаются посредством установления переходных норм, обуславливают формирование Конституционным Судом правовых позиций, специально касающихся вопросов конституционности переходного регулирования. Такие правовые позиции должны учитываться как законодателем, так

и иными органами и должностными лицами публичной власти, которые наделены правотворческими полномочиями. Принимая во внимание, что правовая определенность для законодателя является важной целью и одновременно показателем качества, эффективности законотворческой деятельности [10, с. 4], это позволит существенно снизить конституционно значимые риски, неизбежно возникающие в процессе совершенствования правового регулирования. Остается добавить, что задача выработки методологии оценки конституционности переходных норм не получила в практике Конституционного Суда законченного решения, в силу чего поставленная в статье проблема сохраняет свою актуальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция). Ч. 2 / Г. Кельзен // Право и политика. – 2006. – № 9. – С. 5–18.
2. Бахвалов С.В. Законодательная технология: некоторые проблемы теории и методологии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.В. Бахвалов. – Нижний Новгород, 2006. – 272 с.
3. Ведерников А.В. Социальные волны и стабильность законодательства / А.В. Ведерников. – DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).27. – EDN VZUAZO // Baikal Research Journal. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 27.
4. Конев А.Н. К вопросу о легализации преемственности правовой политики / А.Н. Конев. – EDN RCGJSR // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 255–261.
5. Зайцева Е.С. Детерминизм естественно-природных и социальных факторов при установлении пределов правового регулирования / Е.С. Зайцева. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(4).371–377. – EDN ZLTSGM // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23, № 4. – С. 371–377.
6. Преподобный К.А. Техника изменения юридических актов (общеправовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / К.А. Преподобный. – Нижний Новгород, 2011. – 230 с.
7. Денисенко В.В. Коммуникативная функция права / В.В. Денисенко. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231–238. – EDN AFEYBH // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23, № 3. – С. 231–238.
8. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения / Г.А. Гаджиев. – EDN NOMQRU // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 16–28.
9. Усков О.Ю. Качество закона обратно пропорционально скорости его принятия / О.Ю. Усков. – EDN KVVXMH // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 5. – С. 88–97.
10. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь. – EDN OKRLFH // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–11.

REFERENCES

1. Kelsen H. Judicial Guarantee of the Constitution (Constitutional Justice, Part 2). *Pravo i politika = Law and Politics*, 2006, no. 9, pp. 5–18. (In Russian).
2. Bakhvalov S.V. Legislative Technology: Some Problems of Theory and Methodology. *Cand. Diss. Nizhny Novgorod*, 2006. 272 p.
3. Vedernikov A.V. Social Waves and Stability of Legislation. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 27. (In Russian). EDN: VZUAZO. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(3).27.
4. Konev A.N. On the issue of legalizing the continuity of legal policy. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2011, no. 5, pp. 255–261. (In Russian). EDN: RCGJSR.
5. Zaitseva E.S. Determinism of Natural and Social Factors in Setting Limits Right Regulation. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2022, vol. 23, no. 4, pp. 371–377. (In Russian). EDN: ZLTSGM. DOI: 10.17150/18190928.2022.23(4).371–377.
6. Prepodobnyi K.A. The technique of changing legal acts (general legal aspect). *Diss. Cand. Nizhny Novgorod*, 2011. 230 p.
7. Denisenko V.V. The Communicative Function of Law. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2022, vol. 23, no. 3, pp. 231–238. (In Russian). EDN: AFEYBH. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231–238.

8. Gadzhiev G.A. Principle of Legal Certainty and its Provision by the Courts. Quality of Laws from Russian Viewpoint. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2012, no. 4, pp. 16–28. (In Russian). EDN: NOMQRU.

9. Uskov O.Yu. The Quality of a Law is Inversely Proportional to the Velocity of its Applying. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2007, no. 5, pp. 88–97. (In Russian). EDN: KVVXMH.

10. Bondar N.S. Legal Certainty – Universal Principle of Constitutional Norm Control (Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2011, no. 10, pp. 4–11. (In Russian). EDN: OKRLFH.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Александрович Петров – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID AAQ-1895-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksei A. Petrov – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Researcher ID AAQ-1895-2021

Поступила в редакцию / Received 06.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised 16.02.2023

Принята к публикации / Accepted 16.03.2023